

СВЕТЛАНА ЛУЧКИНА

ФОТОГРАФ

РАССКАЗ

Лето 1991 года в фотосалоне Якова Ильича Сикорина проходило излишне спокойно. Люди совсем перестали фотографироваться.

Яков Ильич помнил времена, когда его салон в родном Омске считался местом, посетить которое обязана была каждая порядочная семья. Люди наряжались во всё лучшее и шли в фотоателье Сикорина запечатлеть...

Молодожёны. Крестины. Приезд родных. Юбилей. А девушки? Это вообще отдельная песня! Какие портреты он делал... А потом на обороте красивым почерком старательно выводилось:

“Люби меня, как я тебя!”

“Вспомни и посмотри!”

“Дарю тому, о ком мечтаю”.

“Если нравится — храни, а не нравится — порви!”

Во все времена фотограф был режиссёром, актёром и знатоком человеческих душ. А сейчас? Разве это фотография? Люди не приходят за портретами, они заскакивают между делом за каким-то глупым слешком, суррогатом себя, который потом вклеится в такой же никчёмный документ, ничего не говорящий о человеке.

Где эти взгляды, устремлённые ввысь? Глаза, наполненные светом? Изящные профили, повороты головы, неуловимые улыбки... Его портреты решали людские судьбы. Именно по ним целые поколения помнят жизнь. Помнят именно такой, какой и он видел её.

ЛУЧКИНА Светлана Александровна родилась в Москве в 1977 году, с красным дипломом окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности "связи с общественностью". Журналист. Кандидат филологических наук. В "Нашем современнике" публикуется впервые.

Яков Ильич сокрушенно вздохнул. Сидя на ступеньках своего салона на улице Ленина, он вот уже несколько часов наблюдал за карнавальным историческим шествием омского прошлого, как его представляют себе люди, толком его не знавшие. Родному городу фотографа сегодня исполнялось 275 лет. Омск был ровно на 200 лет и один месяц старше Якова Ильича.

— Яша, ты чего надулся, как сыч? Праздник сегодня! — прокричала ему парикмахерша Галка из соседней “Сказки”. — Дворников видал, какие прошли? Жаль, у нас сейчас таких нет.

— Жизнерадостная ты женщина, Галина. Это хорошо. А дворников таких у нас отродясь не было!

— Да откудова тебе знать, Яша? Это ж до революции было.

— А я до революции уже был, ясно тебе?

— Да где ты был... Год тебе от силы в семнадцатом. Дитё ещё. Сам же мне рассказывал.

— Не то ты помнишь, Галина! А я вот всё помню. И дед мне рассказывал, как всё было устроено. А потом, не забывай, мы фотографы. У нас архивы имеются. Мы эту жизнь сохраняли. Только благодаря нам она и осталась.

— Ой, а Шанину видел на балконе? Какая артистка красивая, блеск. Из Москвы, можь, приехала? Не знаешь, кто? Причёска у ней — точно не наши делали.

— Легковерная ты женщина, Галина... Шанина, если б так вырядилась, на балконе всем рукой махала да зубы скалила, так ничего бы в жизни своей купеческой не успела. И предприятие бы её торговое прогорело ещё в гражданскую. Да и в городе половины бы не было, что сейчас есть.

— Ну ты даёшь, Яша. Никак ты и Шанину помнишь, — залилась смехом Галка.

— А то нет. У меня Марья Александровны снимки в дедовом альбоме хранятся. Покажу тебе как-нибудь, посмотришь, лицо-то какое. Могла она хохотать да на балконах приплясывать с перьями на голове? Вон двести лет Омску в шестнадцатом году отмечали... Она что сделала, известно тебе? — горячился Яков Ильич.

— Ну что, что твоя Шанина сделала? Колбасы нам привезла? — продолжала веселиться парикмахерша.

— Она, родимая, двадцать пять тыщ дала на университет народный городской. Твой губернаторы десять еле наскребли, а она двадцать пять тыщ кровных не пожалела. А благодарность какова? Все отобрали через пару лет, да и саму в расход пустили.

— Да хорошо-хорошо, Яша. Ну, я что, против, что ли? — пошла на мировую Галина. — Ты сейчас-то что надулся? Праздник у нас. Ну смотри, красота какая. Смотри, вон люди идут, радуются. А вчера марафон бежали, видел? Ой, говорят из семнадцати стран к нам самые знаменитые спортсмены приехали.

— Приехали... знаменитые спортсмены... А выиграл-то кто? Афанасий из Копейска? Вот и весь твой марафон международного уровня.

— Ох, Яков, договоришься ты когда-нибудь... Как ты ещё до годов таких дожил, удивляюсь. Почему из Копейска-то? Марафонец из Ульяновска выиграл. Хороший мужик. Тракторист, говорят. Так и бабы бежали. Видел? Там и женщины были.

— Представляю...

— Нельзя так, Яша... Вечно ты недоволен, — наставительно изрекла Галина, поправила косынку и скрылась в “Сказке”.

Яков Ильич остался один на один со своими думами на ступеньках старого фотосалона, где работали ещё его дед и отец. Мимо проходили демонстранты. Ехали казаки в царской форме. Шли священники с хоругвями. Какие-то ряженые в шляпах, цилиндрах, кринолинах. Шли эпохи, которые он так хорошо знал по фотопластинкам, уцелевшим в его семейном архиве.

“Чудно нынче праздники празднуют, — размышлял фотограф. — Есть нечего. В магазинах пусто. А ряженая купчиха Шанина, чей торговый дом гремел на всю Сибирь, чему-то радуется на своём балконе. Да Марья Александровна, царствие ей небесное, удавилась бы с горя...”

Отец рассказывал, в городе хотели пышно отпраздновать двухсотлетие, как раз, когда он и родился, в 1916 году. Четыре года готовились. Чего только не придумывали. Но случилась гражданская война. И не стали. Отслужили молебн и простили бедным все долги. Такой вот праздник.

Впрочем, у нас так во всем. По традиционному рецепту.

Вот решили лет сто назад памятник Петру Великому поставить и назвать проспект в его честь. И что? Теперь-то я как раз на этой улице и сижу — Ленина называется.

А памятник Пушкину? Та же история! Даже заказали его в Москве. Заложили основание — табличку повесили, что, мол, тут будет Пушкин. Нарекли именем поэта прилегающий сквер и улицу. А на открытии — бац! — а это снова Ленин. Так и стоит до сих пор!

Яков Ильич поднялся со ступеньки и направился в салон. Надо закрываться — кто будет фотографироваться сегодня среди этого маскарада.

— Прифе-ет! Топрый тень! — вдруг прозвучало ему вослед.

Фотограф обернулся и остолбенел. Перед ним стояла невиданной красоты девушка. В спину ей светило солнце и рождало вокруг головы ореол лучисто-соломенных волос, струящихся до пояса. Она была выше Якова Ильича практически на две головы, но ничего прекраснее он в жизни своей вспомнить не мог.

— Это фот-то? — спросила она, улыбаясь. — Стесь можно фотографироваться?

Идеальные белоснежные зубы. Загорелые плечи. Бесконечные ноги, тянущиеся чуть ли не на весь рост Якова Ильича.

— Конечно... Ну, конечно, — забормотал он, — вам на паспорт или на студенческий? Чёрно-белое?

— Мне просто та-ак, — развела руками девушка, — я перфый раз в эт-том гороте. Хочу на память! Просто краси-ифо чтобы.

Яков Ильич подумал, что он перегрелся на ступеньках, умер от теплового удара и сейчас попал в рай для фотографов.

— Просто та-ак... — снова принялась объяснять девушка. — Как вы пософетуете?

Как же посоветовать? Как можно сфотографировать юность? Смеющиеся глаза? Загорелые коленки? Запах солнца? Как остановить мгновение на том, что передаётся только в ощущениях? Как запечатлеть тончайшие флюиды молодости?

— Минутку... Вы можете подождать одну минутку? — Фотограф постепенно приходил в себя и начинал творчески осмысливать действительность.

— Та-а! Конечно! Я гуляю, не спешу. Фчера марафон. Мы бежали...

— А!!! Так это вы из семнадцати стран?

— Не-ет, только из отной! Эстония! — засмеялась девушка. — Меня зовут Эрна.

— Эрна! Очень приятно! А я — Яков! Ильич не надо... просто Яков! Одну минутку!

С несвойственной его возрасту скоростью Сикорин выскочил на улицу и одним прыжком оказался в парикмахерской “Сказка”:

— Галка! Галина! Ух! Где ты?

— Яша! Помер кто? Что случилось?! Тебя ограбили?

— Дай мне венок, ты на той неделе показывала. Из трав! Ты говорила, на стену повесишь. Дай мне. Верну через полчаса!

— Да тебе плохо, Яков. У тебя пятна по всему лицу...

— Дай венок, Галина! Потом, всё потом!

Яков Ильич вырыгнул обратно в салон. Подъём он ощущал невероятный. Наконец, у него будет портрет. Настоящий! С характером и историей! С подтекстом и смыслом! В нём будет всё: девушка, сны, горы, сияющая копна волос, весна. Всё то, что способны оценить только мудрость и годы. Годы побед и разочарований, плодотворной работы и пустоты.

Все последующие две недели Галина практически не видела Якова Ильича. Венок он ей отдал в тот же день. А вот потом... Куда-то бегал, хлопотал. Что-то химичил в своей студии. Говорят, заказал какой-то дорогуций

багет, велел мастеру обработать его исключительно вручную и запретил покрывать позолотой... Жалко ей Яшу... Хороший старик, бодрый, работающий. Но, ей-богу, — такой чудной.

На исходе второй недели, в воскресенье, Яков Ильич появился. Он стоял возле витринного стекла своего фотосалона и, хмурия брови, что-то придиричиво прикидывал. Позднее прохожие на улице Ленина видели, как в витрине фотоателье сам мастер долго копошился, вытаскивал стоявшие десятками лет мольберты с образцами фотографий, натягивал по периметру какую-то ткань, вкручивал шурупы вверху.

В обеденное время Галина решила зайти к соседу, спросить, чем это он был занят так долго. И, проходя мимо стекла, обомлела. Почти на всю высоту витрины в широкой раме натурального дерева красовался огромный портрет девушки в венке. Том самом. Но венок — единственное, что она могла узнать из реальной для неё жизни. Все остальное было космически нездешним. Чуть раскосые зелёные глаза. Тёмные брови, летящие к вискам. Улыбка. Вроде ничего особенного по отдельности. Но всё вместе — инопланетная красота. А главное — целый светящийся стог соломенного цвета волос вокруг лица, падающих на... Стоп!.. Галина отошла подальше, встала на газон, чтобы охватить портрет на расстоянии. Она же голая! Конечно, волосы закрывают срам, но... Яша окончательно сдурел!

Галина решительно бросилась к салону, рванула ручку двери, чуть не оставив её в руке.

— Яков Ильич! Ну-ка, поди сюда! Где ты?!

Пока Галина и Яков Ильич что-то эмоционально обсуждали, размахивая руками и хватаясь за голову, при этом делала это преимущественно парикмахерша “Сказки”, перед витриной фотоателье набралось несколько человек, также имеющих что обсудить, судя по разнообразию выражений на их лицах.

— Закроют твоё ателье к чёртовой матери! Ты дождёшься! — доносился из помещения женский голос. — И что, что девяносто первый год? Что у нас изменилось? Порнографию вешать можно?

— Дурная ты женщина, Галина! Стыдись! — тряс головой фотограф. — Это искусство. Это красота! Красота спасёт мир!

— Чем она спасёт?! Какого ты бреда понабрался, Яков!

— Это Достоевский понабрался. И, кстати, прямо здесь, в нашем Омске. Он тогда сразу понял: “Омек — гадкий городишко”. И это он тебя ещё не видел!

— Ой, посадят тебя, Яша... И за разговоры, и за фотографии твои. Вместе с твоим Достоевским, — выкатывала глаза Галина.

— Он своё отсидел уже... И я, если надо, тоже отсижу.

— Сними портрет, Яша! Скоро первое сентября — дети в школу пойдут!

— Пусть идут. У меня возражений нет...

— Я о тебе же волнуюсь, пойми! — не унималась Галина. — Вот завтра понедельник. Все увидят твои художества. Что ты вытворяешь в центре города! Устроил сексуальную революцию...

Яков Ильич был непреклонен. Он не убрал с витрины портрет Эрны. Как можно? За прошедшие с 4 августа две недели он окончательно уверился — это лучшая его работа. Его Афродита. Его Венера. Его Джоконда. Это счастье, что в жизни выпала такая художественная возможность и такая... модель. Она словно из другого мира. Из вневременной цивилизации. Галка, хоть и тёмная женщина, и то почувствовала что-то революционное в её фото. Да! Мятежно прекрасное. И он готов отвечать за это. Благо ехать далеко не надо — он уже в Сибири.

Жил фотограф в старинном особняке на берегу Иртыша. Постепенно, год за годом, его соседями становились одни депутаты да начальники. И только Яков Ильич сохранял своё историческое родовое гнездо фотомастеров Сикориных.

Не то чтобы Яков Ильич совершенно не был готов к резонансу... Он даже хотел этого. Но утро понедельника даже его заставило задуматься о радикальности им содеянного. Началось с того, что в дверь соседа, народного

депутата СССР, только вернувшегося из отпуска, долбила чуть ли не ногами его помощница. Яков Ильич знал её — встречались на лестнице и во дворе. Фотограф подкрался к глазку и видел, как Валентина Андреевна колотит в дверь и причитает: “Да просыпайся же ты... Господи... Что теперь будет...” Далее Яков Ильич перенёс пункт наблюдения за оконную занавеску: наспех одетый депутат, на бегу завязывающий галстук, и Валентина Андреевна неслись к самому центру города, где и находились фотоателье и Эрна.

Через некоторое время Сикорин увидел, как по улице в том же направлении буквально галопом бегут люди... Волнуясь, фотограф вышел на балкончик. Другой его сосед, сотрудник горсовета Василий Иванович, выскочил на улицу в состоянии полного раздрыга.

— Василий Иваныч, — робко вскрикнул Сикорин с балкончика. — Слушалось что?

Василий Иваныч остановился, резко покрутил головой, ища источник звука, увидел фотографа и, тыча в него пальцем, проорал:

— Яков Ильич, вы — пожилой человек. Вам оставаться дома. Понятно?

Яков Ильич прекрасно понял, что это значило. Он достал из шкафа чистую белую рубашку с коротким рукавом, отыскал тёмно-синюю бабочку, отутюжил и без того идеальные парадные брюки. Оделся и принялся ждать. По его расчётам, прийти за ним должны были через час-полтора. Пока все соберутся. Пока отправят милицию изъять Эрну из витрины. Пока вынесут решение.

Приняв самый торжественный и мученический вид, Яков Ильич сел скоротать время перед телевизором. Он был абсолютно готов пострадать за искусство и отстоять свободу его выражения.

Будто в унисон его возвышенному и печальному настрою, по всем каналам транслировалось “Лебединое озеро”.